

Засада обрушилась молча и стремительно, с беспощадной лютостью.

Сдержав первый шквал огня, Лаоин с остальными тут же перешли в контратаку. Зал бара захлестнула брань, вопли боли и густой, железный дух свежей крови.

В этой суматохе несколько подлых, вильнувших под предательским углом пуль рванули к Чжао Цину — точь-в-точь как в прошлой жизни.

Едва расправившись с четвёркой нападавших, Чжао Цин спиной чутко уловил опасность и метнулся в сторону, но подтянуть ногу заставила неожиданная, едва заметная задержка.

Не спускавший с него глаз Су Юэ улучил момент: с его ладони сорвался кинжал из звездной руды, отсекая пулю за мгновение до того, как та вонзилась бы в голень командира.

Кровавая история не повторится. Судьба Снеговика наконец-то сворачивает с прежней колеи.

Су Юэ не успел толком проникнуться сладостным ощущением сломанного колеса сансары, как ухо резанул резкий свист воздуха. Вскинув взгляд, он увидел летящего прямо на него Чжао Цина.

Нападавшие, судя по всему, засекли, как кто-то добровольно выронил оружие посреди боя. Сочтя это глупой прорехой в обороне, они обрушили весь остаток свинцового шторма в их сторону.

Су Юэ вполне успел бы отскочить, но замешкался на долю секунды — и был намертво прижат к полу чужим телом.

Сбив его с ног и прикрыв собой, Чжао Цин ледяным взглядом окинул выживших нападавших. Вскинутый ствол рявкнул сериями — каждый выстрел прошивал цель насквозь. За считанные секунды от засады не осталось ничего.

Когда Лаоин и Кунцюэ подоспели к месту, Су Юэ уже неторопливо поднимался на ноги.

Молча подхватив отлетевший клинок, он перевёл взгляд на Чжао Цина. Левую голень командира зацепила-таки шальная пуля.

— Рана сквозная, — констатировал Лаоин, опустившись на корточки для беглого осмотра и наложения жгута. — Я уже вызвал Белого Голубя.

Чжао Цин опустился на единственный не разнесенный в щепки диван. Чуть прищулив узкие, хищные глаза, он бросил:

— Пусть берет с собой пару боевых групп. Разведать, чьи это шестерки, а как отгуляем отпуск — сровнять их логово с землей.

— Командир, — криво усмехнулся Лаоин, — мы что, все еще в отпуске?

— К чему спешка? — Чжао Цин неторопливо протирал затвор пистолета. — Пусть поплавают в собственном дерьме от страха. Чем больше мусора сбежится в одну кучу, тем меньше потом шарить по углам.

— Попугай, за подмогу спасибо, — проговорил Кунцюэ, не отрываясь от обыска трупов. — Но увы, раздвинуть перед тобой ножки я все равно не готов. Я тоже предпочитаю бывалых ребят.

— Пустяки, — вздохнул Су Юэ. — И закатай губу обратно.

— Да какие тут глупости! — Павлин игриво стрельнул глазами. — Такой сочный, сладкий мальчик, как я, на дороге не валяется. Нарасхват, между прочим!

— Какая жалость, — безмятежно ответил Су Юэ. — А меня скорее заводит сухая, пресная варенка.

Павлин только рот опустил. Разговор зашел в тупик.

Су Юэ на автомате помогал зачищать заведение, но мысли его были далеко. Взгляд то и дело возвращался к дивану.

Чжао Цин сидел все так же прямо, с вышколенной военной осанкой. Ледяной взор, непроницаемое лицо, ровный голос — ни малейшего намека на слабость.

Даже когда Лаоин начал промывать рану и накладывать тугую повязку, командир и бровью не повел, будто рваная плоть болела не у него.

Железная, нечеловеческая выдержка... Разве мог хоть кто-то во всей галактике догадаться, что у этого Монстра — патологическая, запредельная чувствительность к любой боли?

Су Юэ с досадой понял: ситуация стала еще паршивее. Мало того что уберечь командира от ранения и хромоты не удалось, так он еще и умудрился оказаться у него в долгу за спасение собственной шкуры.

План ведь был совсем иным! Используя знание будущего, он должен был повесить долг жизни на Чжао Цина, сделать его своей обязанной фигурой!

Су Юэ до зубовой ломоты злился на себя. Но не скажешь же командиру в лицо, мол, «чего ты ко мне поперся, сам виноват, что под пулю подставился». За такие речи к его виску в ту же секунду прижмут не сигаретный бычок, а горячее дуло.

Закончив с уборкой тел и зачисткой следов, наемники собрались возле Чжао Цина.

Су Юэ попытался отступить в тень, слившись с обстановкой, но тут же наткнулся на пристальный, не отрывающийся взгляд командира.

Ни Лаоин, ни Кунцюэ так и не поняли, какого черта Попугай метнул свой клинок, оставив себя без оружия и подставившись под перекрестный огонь. На поле боя подобное ребячество без веской на то причины считалось смертельным проступком.

Кунцюэ аккуратно пихнул застывшего Су Юэ локтем в бок и практически без звука, одними губами, проартикулировал: «Живо поблагодари командира и повинись, дурак».

Лаоин решил разрядить обстановку и дружелюбно усмехнулся:

— Ну что, Попугай, тебя сам командир из-под огня вытащил. Душа в пятки от счастья не ушла?

— Ушла, — честно признался Су Юэ, коротко кивнув. — До сих пор под впечатлением.

Сценарий и впрямь полетел к чертям собачьим.

Лаоин от души влепил ему пятерней по лопатке:

— Да не дрейфь ты! Нас тут каждого командир не по разу с того света вытаскивал. Повезло тебе, малый, второе рождение празднуй. Шагай, скажи спасибо.

Су Юэ ничего не оставалось, кроме как сделать шаг вперед. Опустив взгляд, он ровно проговорил:

— Благодарю за спасение, командир.

Чжао Цину до зуда в ладонях хотелось подвесить этого идиота за ноги и выдрать ремнем, дабы вбить в бестолковую башку простую истину: оружие на поле боя — это твоя жизнь. Секунда замешательства, один неверный жест — и ты покойник.

Выбросить клинок, чтобы прикрыть чужую ногу, и рисковать собственной головой?! Он что, жить устал?

— Излишне, — сухо отозвался Чжао Цин. — Я лишь отдавал долги. Ты выбросил клинок, приняв огонь на себя.

Только тут Лаоин и Павлин сообразили, в чем замес. Грубый косяк Попугая моментально превратился в героический поступок — парень рисковал жизнью ради командира.

Вскоре прибыл заместитель командира — Белый Голубь. Организовав эвакуацию, его боевая группа переправила Чжао Цина на ближайшую конспиративную квартиру «Темного Ворона», где располагался отлично оборудованный лазарет.

Су Юэ добрался до отведенной ему жилой комнаты. Однако стоит ли удивляться, что стоило ему поднести руку к замку, как из операционной выскочил Голубь? Вцепившись Су Юэ в грудки, тот с силой прижал его к бетонной стене у двери.

Заместитель командира наемнического отряда «Темный Ворон», позывной Белый Голубь, в миру — Сяо Цынь.

В прошлой жизни этот преданный до мозга костей парень не дожил до роковых событий двухлетней давности. Ему не пришлось своими глазами видеть, как Чжао Цина берут под стражу и подвергают зверским пыткам в застенках Империи — и, пожалуй, для него это было благом.

В отряде каждый знал: Сяо Цынь не просто верный соратник. Он фанатик, слепой последователь и одержимый адепт своего командира.

Смысл жизни этого гениального полевого хирурга сводился к одной-единственной цели: дотянуть Чжао Цина до глубокой старости целым, невредимым и относительно здоровым, чтобы тот мог спокойно выйти на покой.

Увидев развороченную пулей голень Чжао Цина, Сяо Цынь с катушек слетел от ярости.

— И это, по-твоему, называется «прикрывать командира»?! — прорычал он, брызгая слюной.

Су Юэ косился на вцепившиеся в воротник пальцы и небрежно ронял:

— На войне режут и стреляют. Любой может словить пулю или сдохнуть. Мы псы войны, а не сиделки в вип-эскорте.

— Командир подставился ради тебя, мразь! — Сяо Цынь сузил глаза, впиваясь в него взглядом.
— Как у тебя только рот открывается такое молоть?!

Не желая раздувать драку, Су Юэ одним резким движением сбил его руки и поправил смятую

ткань.

— Командир всегда меня балует, бережет и души во мне не чаёт. Подобных случаев миллион. Что, жаба давит? Ревнуешь?

— Послушай меня, Су Юэ, — процедил Сяо Цынь. — Ты хрен пойми откуда взялся. Три года назад я до последнего был против твоей кандидатуры на отборе. Не будь мы тогда на мели и без людей, «Темный Ворон» к тебе даже на выстрел не подпустил бы. Так что сиди тихо и не отвечивай. Рыпнешься — я из-под земли твою подлинную подноготную достану.

Су Юэ сокрушенно вздохнул:

— Замкомандира, тебе никто не говорил, что с таким длинным языком долго не живут? Ты сейчас буквально подталкиваешь меня убрать свидетеля, чтобы спать спокойно.

— Если пупок не развяжется — милости прошу, попробуй, — оскалился Сяо Цынь.

Су Юэ решил не связываться с чересчур нервным эскулапом. Не хватало еще оказаться на операционном столе под его скальпелем — этот псих ведь явится на вызов исключительно с намерением отключить жизнеобеспечение.

Впрочем, память настойчиво подбрасывала детали будущего. Именно сейчас, пока Чжао Цин отлеживается с простреленной ногой, в этой конспиративной точке вспыхнет кровавый мятеж.

Какая ирония! Оказывается, помимо засланного «шпиона» вроде самого Су Юэ, в рядах «Темного Ворона» затесался еще и самый настоящий предатель — крыса, сговорившаяся с вражескими синдикатами, чтобы убрать Чжао Цина и занять его место.

И Сяо Цынь сгинет именно в этой мясорубке. Когда найдут его труп, у него не будет ни одного пальца на руках — ищейки предателя вырезали их один за другим, выбивая местонахождение раненого командира.

Глядя на замученного доктора с синяками под глазами, Су Юэ неожиданно спросил:

— Когда я только вступил в отряд и проходил испытательный срок под твоим началом... Ведь вокруг хватало темных лошадок и беглых наемников без прошлого. Почему твой зуд вызывал только я?

— Побочные эффекты обостренного чутья, — хмыкнул Сяо Цынь. — Уличная шваль и беглые одиночки не приходят в отряд со своими готовыми позывными.

— Попугаем я назвал себя сам, — нахмурился Су Юэ. — Просто заметил, что у вас тут у

каждого кличка, ну и ляпнул первое, что в голову пришло.

— А дожидаться официального зачисления ты, блядь, не мог?! — прошипел Голубь. — Нужно было обязательно выставить меня идиотом перед командиром, да еще и стучать на меня прямо после боя!

Су Юэ потерял дар речи.

Тогда шальная пуля чиркнула его по шее. В момент между жизнью и смертью мозги отключились, и глупая отмазка выскочила сама собой.

Да и что он должен был сказать Чжао Цину, высадившему в его сторону обойму? «Привет, красавчик, давай знакомиться»?

— Локти кусаю, что сразу тебя не отбраковал, — не унимался Сяо Цынь. — Взял и при всех разнес в пух и прах позывные, над которыми я ночами думал!

— Ночами думал?.. — с откровенным сомнением переспросил Су Юэ.

— Ты смешал с грязью и длину, и смысл! Заявил, что мои имена «разрушают боевой дух и эстетику подразделения»! Ты растоптал мой труд!

Су Юэ на мгновение замялся.

Ну да... его временным клеймом тогда числилось «Гугу Номер Три».

В отряде Голубя тогда числилось пятеро салаг. В живых и в основном составе остались двое. В остальных группах отбор был еще жестче — оттуда пробились единицы, а кое-где не выжил вообще никто.

Су Юэ и сам поражался: выслушав тот бредовый лепет, Чжао Цин действительно его не шлепнул. Взыскание выписал исключительно за нарушение субординации и прыжок через голову командира группы.

Впрочем, замяв дело, Чжао Цин так и не соизволил объяснить, на кой черт вообще открыл тогда огонь.

Та первая встреча так и осталась покрыта мраком — странная загадка, перекочевавшая из прошлой жизни в настоящую.

Кое-как отделавшись от взвинченного Голубя, Су Юэ переступил порог комнаты и тут же

уловил сигнал зашифрованного сообщения.

Считав текст, он мгновенно уничтожил запись. Поразмыслив минуту, решил выполнять приказ: сегодня ночью нанести визит в лазарет.

Новость о ранении Чжао Цина за неполные полдня докатилась до верхов Министерства вооруженных сил Империи Небесной Звезды. Нет сомнений — очень скоро про запах крови узнают и остальные хищники.

Глубокой ночью Су Юэ набросал командиру лицемерное сообщение: поинтересовался самочувствием и ненавязчиво предложил зайти, якобы «для ночного дежурства и помощи раненому».

Ответ от Чжао Цина пришел незамедлительно: «Жду. Сейчас».

Переступив порог палаты, Су Юэ увидел командира, полулежащего в изголовье кровати. Тот казался погруженным в легкую дрему.

Поврежденная нога была плотно забинтована и зафиксирована шиной. Вторая оставалась свободно согнута в колене. Шелковый халат небрежно распахивался на талии, и в мягком тусклом свете ночника рельефная, подтянутая кожа казалась еще более бронзовой и манящей.

Су Юэ помнил инструкции из центра: установить точный характер ранения голени и выяснить, нет ли у главы «Темного Ворона» скрытых повреждений.

Если боеспособность командира подорвана, у кураторов появится идеальное окно для удара.

Защелкнув замок, Су Юэ привычным движением опустился на край матраса. Он потянулся к ровным отворотам халата, намереваясь распахнуть их — обычно Чжао Цин не препятствовал подобным вольностям.

Даже если командир ходил весь в синяках и бинтах, он никогда не останавливал его рук.

Но на этот раз Чжао Цин внезапно распахнул глаза. Его пальцы жестким, стальным кольцом перехватили запястье Су Юэ.

Су Юэ недоуменно вскинул взгляд и выдал свою фирменную, с едва уловимым оттенком притворного раскаяния, фальшивую фразочку:

— Ты чего? Я же извёлся весь... Дай хоть обниму.

В узких глазах Чжао Цина блеснул ледяной, насмешливый огонек. Едва заметно изогнув губы, он сухо бросил:

— Обнять? Кого — сухую, пресную варенку?

Су Юэ обомлел.

«У тебя что, уши локационные?! Обязательно было подслушивать треп собственных бойцов?!»

<http://bllate.org/book/20705/2106651>